

Ю.Н.Шемелин

Моя Латинская Америка

Заметки торгпреда

В данной публикации, носящей в значительной мере автобиографический характер, отражен опыт работы автора в области торгово-экономических связей СССР и России со странами Латинской Америки (Перу, Коста-Рика, Панама) в советский и постсоветский периоды. Отмечаются некоторые специфические черты и особенности этих государств и на конкретных примерах рассматриваются негативные и позитивные последствия отказа от монополии государства во внешней торговле и внешнеэкономических связях с зарубежными странами.

Ключевые слова: глобализация, диверсификация экспорта, внешнеторговая политика, Перу, «Ольмос».

О ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ И О СЕБЕ

Мы летели тогда с Галей в Боготу из Панамы, где работали супружеской парой: я — торговым советником посольства, она — моим секретарем и бухгалтером. Мы везли в столицу Колумбии, куда регулярно прилетали мидовские дипкурьеры, нашу панамскую диппочту. Под крылом самолета тянулись зеленая горная колумбийская сельва и коричневая от постоянных дождей змейка реки Магдалены. После раннего завтрака в самолете слегка подремывалось, когда в динамиках нашего А-320 послышалось хриплое «Nos aterrizamos en el aeropuerto de Medellín» («Самолет совершит посадку в Медельине»). Остановка в Медельине маршрутом предусмотрена не была. В Боготе нас ждали в 11 часов, я забеспокоился и спросил нашу изумрудно-зеленоглазую стюардессу: «А надолго ли эта посадка, и когда мы полетим дальше?» Видели бы вы, с каким неподдельным изумлением она ответила: «Señor, ¿y eso qué importa? Lo importante es aterrizar... Y si nos paren serán otros vuelos...» (Господин, а разве это имеет значение? Главное — приземлиться. Если нас не выпустят, то вам предоставят другой борт»). Мы рассмеялись, а она, видимо не понимая причины, слегка смутившись, добавила: «Si el Dios lo quiere...» («Если Господь того пожелает»). И мы почему-то успокоились, хотя надо было бы, наоборот, занервничать.

Юрий Николаевич Шемелин — экономист-международник, с 1978 по 2002 г. работал в системе ГКЭС и МВЭС СССР и МЭРТ РФ, в том числе в странах Латинской Америки (yshemelin@bk.ru).

И я подумал: а ведь в том, как и что она нам сказала, было столько латиноамериканского... Какого-то их понимания сути бытия, спокойной подчиненности человека судьбе и воле Всевышнего и даже какого-то облегченного, не трагичного отношения к возможному уходу из этого мира в любой момент. *Si el Dios lo quiere...* И нет иного варианта, и все тут. А у самолета была какая-то проблема с двигателем. Мы приземлились и вышли в зал прилета. Через час нам заменили борт, и мы полетели дальше.

О Латинской Америке, об этом сплаве различных цивилизаций написаны сотни исследований. Латиноамериканистика давно стала отдельным направлением во многих мировых научных школах, и мне хочется лишь поблагодарить судьбу за то, что она дала мне шанс познакомиться с этой Америкой и полюбить живущих там людей. Узнав ее языки, музыку, стихи и песни, романы ее писателей, а самое главное — десятки самих латиноамериканцев, мне, похоже, удалось понять и почувствовать их особое мироощущение и место человека в нем и научиться прощать многое из того, что, как правило, кажется странным и непростительным в нашей культуре. Например, та знаменитая «*hora latina*» («испанский час»), которая может очень сильно отличаться от нашего понимания «прийти вовремя», когда обижаться на опоздание даже на деловую встречу считается дурным тоном.

Во время встреч, в разговорах и спорах с мужчинами, женщинами и даже детьми той Америки ко мне постепенно пришло то, что называется «полюбить Латинскую Америку», ее людей, этот «коктейль» трех культур: западноевропейской, замешанной на жестко навязанном ее народам католицизме, первобытно-общинной и языческой культуры местных народов и еще одной — африкано-карибской. Так сложилось то, что сложилось: конгломерат народов с мягкой доверчивостью и стойкой обидчивостью на грубость, с готовностью поделиться всем, что есть, и помочь, и лежащим на поверхности плутовством в мелочах, да и по-крупному. Они демонстративно гостеприимны, но часто и закрыты в глубоко личном, уважают авторитеты и склонны подчиняться им. Но порой выглядят фанфаронами, фаталистами, трактуют жертвенность как неизбежность, им свойственны вспыльчивость, легко переходящая в ярость, склонность к романтизму и вере. И все это в форме мужского «кабальеризма» и «мачизма» и непостоянства женских легковесных привязанностей, неожиданно превращающихся в ярость и готовность к жесткой мести за измену. Это как бы «смягченная» тропиками и его сладким воздухом испанская жесткость и определенность чувств, сильно разбавленная радостной беспечностью бездумных, безнадежно бедных и непонятно почему счастливых обитателей райских островов.

Разумеется, все они, люди этой части Западного полушария, — разные. Но и в герое, и в негодяе, в обыкновенном человеке и в каждой выдающейся личности вы найдете некие особые латиноамериканские черты. «Любить латиноамериканцев» вовсе не означает любить каждого из них, речь идет о цивилизационном «отблеске», придающем им, как той стюардессе, свой, латиноамериканский, симпатичный мне рисунок души. Конечно, социальная, классовая доминанта в этой цивилизации тоже имеет большое, часто наиболее важное значение, но и в бедняке, и в миллионере вы сможете прочесть этот особый, латиноамериканский цивилизационный код.

Народы Латинской Америки как никакие другие в довольно короткий исторический период хлебнули из горькой чаши зависимого экономиче-

ского развития: от испанского и португальского рабовладельческого и затем феодально-латифундистского порабощения до империалистического неокOLONиального, получившего в последнее двадцатилетие штамп так называемой глобальной взаимозависимости. И эти же народы за короткий срок как нигде массово явили миру разные формы сопротивления зависимости: от борьбы за освобождение от колониального испанского владычества до героического противодействия империалистическому; от парагвайского сопротивления 1864—1870 гг. до кубинской, никарагуанской, чилийской, боливийской и венесуэльской социальных революций, национально-патриотических форм военных диктатур в Перу, Панаме, крестьянских восстаний в Гватемале и Сальвадоре, партизанской войны марксистов в Колумбии, формирования своеобразных «компромиссных» экономических моделей развития хустисиалистской Аргентины, социально ориентированных Коста-Рики и Уругвая с неожиданно массовым «левым поворотом» почти всего континента в начале XXI в. Зависимость и ее формы, формы подчинения и сопротивления этой зависимости — главный экономический и исторический фон, на котором живут и действуют народы континента, пропуская через себя, свое культурное наследие и эту зависимость, и завоеванные формы своей особой идентичности.

На мой взгляд, в наиболее общем виде современную форму экономической зависимости стран континента, которая лишь видоизменилась в эпоху глобализации, охарактеризовал бразильский экономист и политический деятель Фернанду Энрики Кардозу. Это так называемая анклавная форма или структура экономики, где наибольшее развитие и инвестиционную подпитку извне получает какой-либо один вид или отрасль производства. Социологическим следствием «анклавных» экономик является неразвитость среднего и мелкого бизнеса, большая разница в доходах «элит» и большей части населения, а ее политическим следствием — формирование властной надстройки, связанной с производством и экспортом главных «анклавных» (не обязательно сырьевых) продуктов страны, надстройки, чуждой задачам отстаивания национальных интересов и создающей для удержания своей власти далекие от подлинной демократии институты и изоциренный бюрократический аппарат. Новой, еще более сложной формой экономической зависимости стран от технологически более передовых стали образованные в последние десятилетия мощными ТНК международные производственные комплексы (МПК), пронизывающие экономики разных государств для создания конечного продукта в одной из них или в самой метрополии.

Так часто бывало в зависимых в силу своей «анклавности» странах Латинской Америки. Так произошло, я думаю, и в России, где высокая доля в ВВП таких «анклавных» отраслей, как добыча нефти и газа и не работающей на внутренний рынок «оборонки», создали ту неблагоприятную экономическую «однобокость» и зависимость от мирового рынка, которая в наши дни острейшим образом поставила задачу коренной модернизации экономики России как условия сохранения национальной идентичности и политической независимости. Причем все это происходит на этапе формирования нового высокотехнологичного мирохозяйственного уклада экономики, когда отставание грозит дальнейшим усилением зависимости. Латиноамериканские страны, как, возможно, никакие другие, накопили обширный экономический и политический опыт борьбы по преодолению и смяг-

чению последствий «анклавных» форм зависимости от центров силы. И изучать, и распространять этот опыт в России с целью содействия уходу от зависимости в интересах диверсификации нашей экономики — одна из основных, как мне кажется, задач наших ученых.

Я полагаю, что диалогу и сотрудничеству со странами южноамериканского континента способствуют также некоторые цивилизационные и культурные «схожести». Русские, а точнее, все приверженные российской культуре люди с нашими православными моральными и нравственными принципами, близкими к строгому иезуитскому варианту католицизма, и в то же время со схожим с латиноамериканским «гибким» и потому легким для жизни отношением к порядку и законам, близки по духу к латиноамериканцам.

Отдельным, пока еще сохраняющимся и часто обращаемым в нашу пользу фактором остается и опыт отношений со странами южноамериканского континента в эпоху существования СССР. Корни советско-латиноамериканских отношений настолько глубоки, что большая часть простых людей Латинской Америки, а также часть интеллигенции и предпринимателей, да и государственных деятелей до сих пор воспринимают Россию как передовую в социальном отношении страну, прямую наследницу СССР. Многие из них все еще верят, что наблюдающееся «возрождение идентичности» России и ее конфликт с Западом, в котором они в своем большинстве симпатизируют нам, сделают из России вновь альтернативную для них сторону, которую можно будет использовать для борьбы за свои права в отношениях с США и другими западными странами.

В ходе работы в торгово-экономических отделах наших посольств в Латинской Америке, в аппарате профильных министерств и ведомств и в последние годы в Институте Латинской Америки более всего меня интересовала тема именно этой зависимости как формы несправедливости, пути и формы ее преодоления. Я увидел и позитивные, и негативные стороны отказа государства от функции контроля за внешнеэкономической деятельностью наших компаний и бизнесменов и на реальных примерах хочу рассказать об этом читателям. Но сначала — о том, как я стал торгпредом.

К сожалению, время моего становления на внешнеторговой и внешнеэкономической стезе несколько затянулось, и я не сразу, а став сначала мужем и отцом, начал заниматься своим, по душе и способностям, делом. Моя самая первая карьера вынужденно оказалась по воле отца «железнодорожной», к тому же с научно-прикладным оттенком. 14 лет я работал в лабораториях ЦНИИ МПС и ВЗИИТ (Всесоюзный заочный институт инженеров железнодорожного транспорта); ездил по командировкам, регистрируя с точностью до миллиметра ширину железнодорожной колеи в разных условиях, писал статьи и даже диссертацию в команде таких же советских инженеров для того, чтобы подтвердить целесообразность и возможность укладки бесстыкового железнодорожного пути в наших температурных условиях на кривых участках, а потом — сужения российской железнодорожной колеи с 1524 до 1520 мм. Во ВЗИИТ читал лекции студентам-заочникам и вечерникам по программе «Путь и путевое хозяйство». В те же годы я как-то смог реализовать и свое непреходящее увлечение изучением английского: закончил четыре курса вечернего факультета МГПИИЯ им. Мориса Тореза и подрабатывал техническими переводами зарубежных источников по железнодорожной тематике. Будучи к тому времени уже

отцом двух дочерей, занимался и всякого рода общественной и комсомольской работой. И все-таки не лежало у меня сердце к карьере старшего преподавателя и доцента железнодорожного вуза.

Активный комсомолец, (а с 1966 г. и член КПСС) я в 1976 г. на пределе возрастного ценза поступил во Всесоюзную академию внешней торговли (ВАВТ СССР). Потом служил в ГКЭС СССР, и мне довелось поработать в длительных зарубежных командировках в Перу, Коста-Рике и Панаме, а недолго — в Аргентине, Венесуэле, Чили, Мексике и на Кубе. ВАВТ, которая открыла мне дорогу в Латинскую Америку, была и, надеюсь, остается уникальной школой подготовки внешнеторговых кадров. Основные принципы и черты этой школы были заложены еще до войны, когда министром торговли был Анастас Иванович Микоян. Главное в них было то, что в академию принимали только уже имевших высшее техническое образование специалистов со стажем работы по специальности не менее семи лет. «Надо хорошо знать тот товар, который ты будешь продавать или покупать», — так говорил тогда Анастас Иванович, и это правило было критерием для приема.

В 1973 г., году моего поступления в ВАВТ, в списке технических специальностей для абитуриентов была и специальность «инженер-строитель железных дорог». К тому времени при содействии СССР полным ходом шла реконструкция железной дороги Гавана — Сантьяго-де-Куба. На очереди была, как казалось, и реконструкция чилийской железнодорожной сети, чем потом без нас занялся пришедший к власти в стране Аугусто Пиночет. Мне повезло с языком: в дополнение к английскому выпал испанский.

Время последовавшей затем интереснейшей работы и жизни в системе внешних экономических связей стало для меня временем реализации моих главных способностей. Это время расколосось надвое: 15 лет при социализме и 11 лет после его поражения. При социализме, в период монополии внешней торговли, главным было ощущение сопричастности к реализации грандиозного социального проекта переделки мира на новый общественный лад, сопричастности «к самому ходу истории человечества», как однажды сказал мой аргентинский коллега по работе в ИЛА РАН Даниэль Сольда. И при всех трудностях и несуразностях того времени, названного почему-то «застоем», казалось, что от моей настойчивости, чиновного честного трудолюбия и умелого пера зависит то, как быстро начнется строительство партийной школы в Браззавиле (Конго) для руководителей страны, вставшей на путь социализма, или когда наши рыболовные суда причалят к берегам социалистической Анголы, или когда начнут проходку тоннеля под Андами в Перу для переброски вод Амазонки к турбинам и электрогенераторам, сделанным в СССР. И что то же военно-патриотическое правительство Перу, наконец, оплатит долг перед СССР поставками рыбной муки и хлопковой пряжи за поставки им наших танков и вертолетов. И так далее...

А главными чертами моей работы как торгпреда, представлявшего интересы другой, капиталистической России, стали, пожалуй, ее постепенная вынужденная, вызывавшая у меня огромное внутреннее сопротивление деидеологизация и сужение целей от эпохальных и имевших социально-историческое значение для всего мира до всего лишь частных коммерческих задач. И ведь это произошло во всех сферах нашей общественной жизни. В наиболее общем виде в 2006 г. об этом очень горько и точно сказал выдающийся русский философ и социолог Александр Александрович

Зиновьев: «Утрата смысла социального бытия людей стала одним из важнейших, если не самым важным, последствием наступившей после поражения социализма эпохи»*.

«ОЛЬМОС» И МОНОПОЛИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

В Перу я приехал на должность эксперта-экономиста в аппарат экономического советника, т.е. представительства ГКЭС СССР в этой стране, в ноябре 1978 г. Перу тогда руководили патриотически настроенные, социально ориентированные военные, пришедшие к власти в 1968 г. под руководством генерала Веласко Альварано. В 1976 г. вместо заболевшего и вскоре скончавшегося Альварано новым руководителем стал генерал Франсиско Моралес Бермудес, взявший, под давлением США, курс на «демократические преобразования в стране». Покончив в 1973 г. с правительством Народного единства в Чили, США обеспокоились положением своих дел и в соседнем Перу, где прочность позиций американских компаний в горнорудной промышленности была не менее, если не более важна, чем в Чили. Тем более, что генерал Пиночет сразу после переворота 11 сентября 1973 г. национализировал добычу и переработку медной руды.

Конечно, я готовился к поездке и много читал об этой экзотической стране, прежде чем наш ИЛ-62 приземлился после своего тогда самого длинного рейса «Аэрофлота» в аэропорту Лимы. И свои впечатления от первого дня прилета помню до сих пор. Сразу поразили тянувшиеся вдоль дороги из аэропорта бесстыже открытые всему миру кварталы жилищ бедняков из циновок, сотканных из камыша, без крыш, с земляными полами, дети, просящие деньги на светофорах, и так далее, и так далее. «Лима — город контрастов» — этот наш журналистский штамп сразу обрел здесь реальные черты, привыкнуть к которым и смириться с которыми за все последующие месяцы и годы нашей с Галей работы в Перу было невозможно. Прошли десятилетия, но Перу продолжает оставаться страной с одним из самых высоких в мире уровней бедности: по данным на 2015 г. — 22% населения. А то, что было в 1978 г., было бесчеловечным и запредельным для понимания. Помнится, как проезжавший транзитом через Перу на работу в Венесуэлу мой однокашник по академии Гена Косарецкий не смог сдерживать слез, раздавая в самом центре Лимы на улице Абанкай, что возле министерства экономики и финансов страны, мелочь в дрожащие руки голодных малышей. Это тогда было шоком для нашего поколения, уже не знавшего голода, ужасов войны и разрухи.

Природа и климат в Перу оказались неожиданно своеобразными и даже суровыми. Воды здесь много и мало одновременно. И солнца тоже. Помню, как я, обрадованный солнцем и теплом начинавшейся в Лиме весны, так сказочно наступившей вдруг после промозглого московского ноября, стандартно сказал одному из коллег, давно работавшему в Лиме: «Хорошая сегодня, однако, погода. Она всегда такая?». На что тот несколько мрачновато ответил: «Тут третий год хорошая погода».

На всем тихоокеанском побережье Перу, где сейчас расположены девятимиллионная Лима и другие крупные города, никогда не бывает дождей.

А.А.Зиновьев. Фактор понимания. М., Алгоритм, Эксмо, 2006 г., с. 520.

С октября по май эту сушь подогревают дующие со стороны гор пассаты, а с июня по сентябрь с тихоокеанских тропических широт сюда устремляются теплые и влажные муссоны, заливающие дождями и ураганами только северную и центральную часть американского континента. Южнее экваторского порта Гуайякиль и вплоть до Огненной Земли эти дующие нашим летом муссоны охлаждаются над гигантским холодным антарктическим течением Гумбольдта (или Перуанским течением), превращаясь в мелкую водяную пыль, называемую здесь «гаруа», и в плотные многодневные туманы. В июле в Лиме при +10—15⁰ по Цельсию холодно и влажно, как в московском октябре, и в богатых домах жгут камин. Вода в Тихом океане даже в февральскую и мартовскую жару не прогревается выше 10 градусов по Цельсию, и немногие перуанцы умеют плавать.

Но в Перу есть еще две климатических зоны: Сьерра (высокогорная часть) и влажная тропическая Сельва (бассейн р. Амазонка с притоками рек Укаяли и Уакабамба). Переброска части вод этого бассейна сквозь Анды на засушливое побережье была давней мечтой населявших эти земли народов, и логично, что патриотически настроенный генерал Веласко Альварардо решил предложить реализовать эту мечту советским инженерам. Контракты на разработку гидроэнергетической и ирригационной части проекта, названного «Ольмос» по имени деревушки, живущей на склоне Анд, откуда предполагалось начать строительство, были подписаны в 1975 г., незадолго до смерти генерала. Защита готового проекта в министерствах энергетики и сельского хозяйства Перу, его утверждение правительством страны, оплата перуанцами в свободно-конвертируемой валюте контрактной стоимости его разработки (23,2 млн долл.) — все это сразу же после моего приезда стало частью работы, проходившей в контактах с представителями ВВО «Технопромэкспорт» и «Сельхозпомэкспорт», а также с нашими инженерами-проектировщиками их институтов «Гидропроект» и «Союзгипроводхоз». В своем конечном виде проект предусматривал переброску двадцатикилометровым тоннелем под Андами части вод бассейна Амазонки на побережье, создание двух ГЭС мощностью по 300 Мгвт и орошение 112 тыс. га засушливых земель.

Сразу же после моего приезда в Перу Аппарат советника по экономическим вопросам посольства СССР (полное название нашей *Misión Económica*) по согласованию с руководством ГКЭС СССР параллельно процессу защиты и утверждению проекта в перуанских организациях инициировал переговоры с возможными зарубежными фирмами-партнерами для совместного строительства объекта в составе международного консорциума.

Мне довелось работать над этим проектом и вместе с представителями «Технопромэкспорта» и «Сельхозпромэкспорта» вести интереснейшие переговоры с представителями зарубежных компаний в Перу: итальянской — производителем энергетического оборудования «*Gia Impregilo*», шведской — производителем строительного и проходческого оборудования «*Skanska*», бразильской строительной компанией «*Odebrecht*». Работал, что называется, и работал... Но то, что мне выпадет честь публично подписывать это соглашение от советской стороны, я и представить себе не мог. После неожиданного отказа моего шефа ехать на подписание Соглашения о создании консорциума я впервые в жизни, как Золушка, отправился в президентский дворец, первый раз в жизни меня вез молчаливый водитель из

На фото: президент Перу Белаунде Терри (справа) и Ю.Шемелин

охраны миссии в казавшейся огромной автомашине, да еще с флагом СССР на капоте. Дальше — часовые, встречающие представителей фирм стран — участников консорциума, президент Перу Фернандо Белаунде Терри в своем кабинете («Buenos días, señor Presidente...»), послы и тревожное отсутствие кого-либо из посольства СССР и даже наших корреспондентов, которых в Лиме тогда было аккредитовано немало. Затем акт подписания, перуанские журналисты, телевидение и торжественный обед, где к тому же от меня потребовалось и самое неожиданное: публичное выступление — тост с бокалом в руках. И я зачем-то, подражая бразильцу и шведу, выступавшим передо мной, произнес свой тост на английском. Справился... И только потом я понял, почему был удостоен такой чести.

Случилось так, что с подписанием этого соглашения связаны и некоторые жесткие страницы внешнеторговой жизни в условиях монополии государства. Бывало, что эта монополия так отражалась на судьбах людей, что зачастую неожиданно-негаданно завершались и человеческие жизни. Нарушение существовавшего тогда запрета на проведение каких-либо валютных операций и сделок не то чтобы на 1—2 млн, а даже на 5—10 тыс. долл. заканчивалось самым печальным образом. Вот так оборвалась жизнь генерального директора ВВО «Технопромэкспорт» Юрия Васильевича Смелякова, родственника первого заместителя председателя ГКЭС СССР Виталия Георгиевича Морозова. После того как я по его поручению от имени ВВО «Технопромэкспорт» подписал то самое Соглашение о создании консорциума для строительства «Ольмоса», он прилетел в Лиму из Турции или Ирана, где объединение работало по одному из гидроэнергетических объектов. Приехал, проявляя большой интерес, как я заметил, к контактам с одним из западных партнеров в консорциуме — английским банком. Я был с Ю.В.Смеляковым (снова по поручению шефа) на переговорах с англичанами в качестве переводчика с испанского (представитель банка в Перу был перуанцем), потом успешно «пробил» ему в британском консульстве «быструю визу» для въезда в Великобританию. На переговорах же речь шла о счете ВВО в лондонском отделении банка. Однако, как потом выяснилось, в Лондон Смеляков вылететь не успел, потому что его неожиданно вызвали в Москву. Приехавший в Лиму из отпуска представитель ВВО «Технопромэкспорт» рассказал, что вскоре после прилета Смеляков и главный бухгалтер объединения «Технопромэкспорт» были арестованы, судимы Военной коллегией Верховного суда и расстреляны, а выдающийся организатор советских внешнеэкономических связей с зарубежными странами В.Г.Морозов после бе-

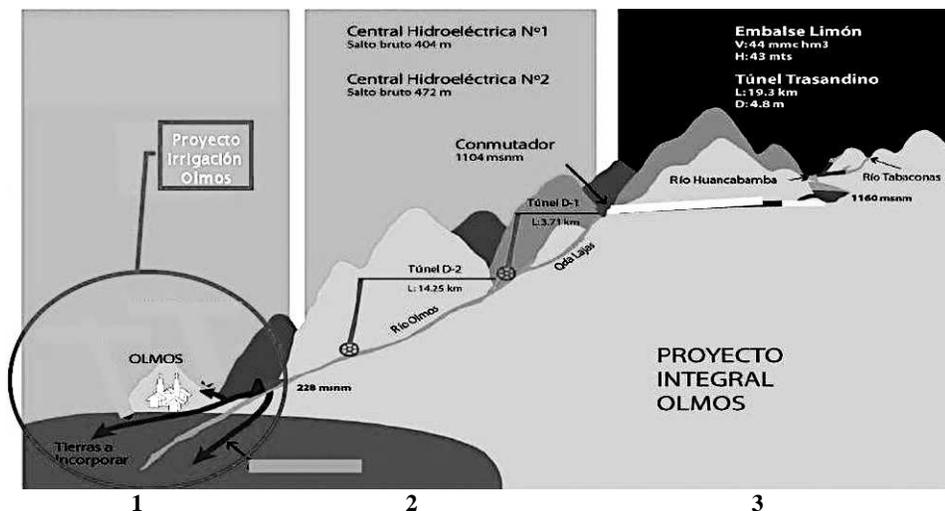
седы с председателем Комиссии партийного контроля Арвидом Яновичем Пельше ушел со Старой площади домой пешком и без партийного билета в кармане. Все это и было причиной того, что я один, без сопровождения был отправлен в президентский дворец на подписание документа по консорциуму для «Ольмоса». В посольстве, вероятно, уже было что-то известно о неформальных связях руководителя одного из членов международного консорциума с англичанами, и конец этой истории был уже ясен.

Переговоры с перуанцами о реализации проекта «Ольмос» консорциумом фирм из четырех стран сначала затормозились, а потом под предлогом осложнения переговоров Перу с МВФ по подписанию рамочного соглашения по новым кредитам и вовсе были отложены. Но в ноябре 1981 г. в Москве все же состоялись переговоры между перуанской и советской делегациями. Они закончились подписанием межправительственного соглашения о поставках машин и оборудования, в том числе и для реализации энергетической части проекта «Ольмос» на условиях рассрочки платежей сроком до десяти лет из расчета 8,5% годовых. Это соглашение действует до сих пор, и возможно скоро придет день, когда оно станет основой для новых российско-перуанских контактов и конкретных контрактов. Проект вылежался на полках перуанских организаций, и в 2004 г. при президенте Ольянте Умале начал реализовываться практически в том же (за небольшим исключением) виде, в котором был представлен и защищен советскими специалистами в 1979—1981 гг. За дело и за самую сложную часть проекта — проходку протяженного тоннеля под километрами горных пород перуанских Анд — взялся один из участников того самого «нашего» консорциума по «Ольмосу» — известная на континенте и в мире сооружениями сложных инженерных объектов бразильская строительная компания «Odebrecht». Бразильские специалисты, которыми руководил инженер Джовани Паласиос, за десять лет сделали почти невероятное: в скальных породах перуанских Анд на глубинах до 1828 м в самой высокой точке хребта проложили тоннель диаметром 4,8 м и длиной 20,3 км. На пути проходки тоннеля проходческим щитом «Robbins» (США) из-за частых в этом районе миниземлетрясений то и дело случались завалы и даже обвалы породы. Температура в тоннеле достигала +54° по Цельсию, и проходческий щит пришлось оснастить дополнительной системой вентиляции и кондиционирования. Инженера Паласиоса вряд ли можно было заподозрить в преувеличении, когда он говорил, что прокладка трансандинского тоннеля отличалась высочайшим уровнем риска и была самым сложным тоннельным строительством в мире.

Сооружение комплекса «Ольмос» продлится еще несколько лет. Предстоит построить две гидроэлектрические станции, еще 15 км отводных каналов, водохранилище Лимон и плотину для сбора амазонских вод, 50 км трубопроводов для каналов орошения, 85 км ЛЭП, 150 км подъездных дорог. Но уже сейчас вода из Амазонии пришла через тоннель и 120 км спускных каналов в долину рек Ольмос и Пьюра и готова к орошению первых 43,5 тыс. га, первые лоты плодородных земель долины реки одной из самых засушливых провинций — Ламбайеке — выставлены на торги.

Первая поездка в зарубежную страну, как первая любовь, незабываема своими открытиями. Многое еще в памяти. Помню, какими счастливыми мы просыпались с Галей от утреннего курлыканья голубей, искавших что-то на газонах дворика нашей *Misión Económica*. Помню, как отогрелись

ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ И ИРРИГАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС «ОЛЬМОС»

1. Орошение 5,5 тыс. га земель; 2. Две ГЭС по 300 МВт каждая; 3. Переброска вод: высота плотины Лимон — 43 м, Трансандский тоннель протяженностью 20,3 км и диаметром 4,8 м

вечерами у камина, спасаясь от всепроникающего «гаруа». Как бесшабашно, и только потом понимая, насколько рискованно, мы с Галей и с приехавшей к нам на полтора года 12-летней дочкой Анечкой поднимались на старой легкой «Тойоте» по серпантину между Кордильерой Бланка и Кордильерой Негра в стремлении узнать, «что там, за поворотом». Вспоминаю, как по стеклам гостиничного номера, будто водопад, лил в Икитосе тропический ливень, и как мягкий баритон менеджера гостиницы вдруг обратился ко мне: «Господин Юрий, вас вызывает к телефону министр экономики Перу...». И «господин Юрий» прямо из бассейна, подплыв к барной стойке, разговаривал с министром. Что там говорить: у меня получалось. Кажется вот-вот начнется строительство «Ольмоса», миссия ГКЭС в Перу расширялась, при новом демократически избранном президенте Белаунде Терри продолжались и начатые еще при военном правительстве Веласко Альварадо поставки в Перу наших танков и вертолетов, и даже тогда, когда в Рождество 1979 г. началась афганская война, атмосфера в Перу и отношение к нам со стороны перуанцев существенно не менялись. СССР был и оставался надеждой, отношения с нами активно использовались властями развивающихся стран для торга с МВФ и МБРР за кредиты и послабления, да и для собственных шкурных интересов, но все-таки, прежде всего, для минимальных подачек полуголодному и нищему народу, чтобы он выживал, продолжая оставаться обманутым и разобренным. Механизм действия этих кредитов, в том числе и в Перу, подробно описан в публикациях и исследованиях уругвайского экономиста и ученого Эдуардо Галеано, и особенно наглядно в книге «Исповедь экономического убийцы», написанной американцем, бывшим сотрудником Всемирного банка Джоном Перкинсом. Главным приемом МВФ и связанных с ним банков является, как показал Дж.Перкинс, значительное завышение стоимостей инфраструктурных и других проектов, навязываемых для реализации на территориях зависимых

стран, что приводит к росту внешней задолженности этих стран перед государствами-кредиторами и к расширению сферы и глубины зависимости от них и МВФ. Посольство СССР в Лиме и ГКЭС интересовали тексты таких соглашений в том числе и в связи с «Ольмосом», и я с помощью одного сотрудника министерства экономики и финансов иногда доставал важные странички попадавших в его руки текстов проектов соглашений правительства Перу с МВФ и МБРР. Это помогало нам выработать подходы к разработке советско-перуанских документов о сотрудничестве в различных областях, но совершенно с других позиций.

Запомнилось одно мое публичное выступление перед перуанской аудиторией, состоявшей из предпринимателей, объединенных в Ассоциацию мелкого и среднего бизнеса, на тему повышения эффективности социалистического планового хозяйства путем внедрения рыночных механизмов в отношениях между субъектами хозяйственной деятельности в рамках так называемой косыгинской реформы народного хозяйства. Вот когда я оказался действительно «под обстрелом взглядов и вопросов», с которым не всегда справлялся. Видимо перуанские мелкие и средние предприниматели, уже нахлебавшиеся «свободного рынка» и диктата местных и иностранных олигархов, подозревали что-то неладное в этой затевавшейся еще тогда реформе нашего планового хозяйства.

Летом 1981 г., перед тем самым знаковым для меня подписанием Соглашения о консорциуме, я был назначен заместителем главы миссии ГКЭС вместо ранее недолго поработавшего здесь на этой должности Леонида Ивановича Архипова, сына первого заместителя председателя правительства СССР Ивана Васильевича Архипова. Леонид в Перу в основном изучал испанский язык, что потом пригодилось ему, когда он поехал уже главой миссии ГКЭС в Боливию. Моему же назначению предшествовал приезд в командировку в Перу начальника Отдела Африки и Латинской Америки Ромуальда Гугоновича Томберга. Мы с супругой близко познакомились с ним и его женой Галей еще до начала нашей заграничной поездки; я работал в возглавляемом им отделе. Он как руководитель, требовательный на службе, но демократичный и простой в общении вне ее, часто по-домашнему общался со многими сотрудниками. Бывали у него в гостях и мы. Как говорится, «дружили домами». Радужно мы встретили его и в Лиме. Однако этот приезд Ромуальда и наш с ним памятный обед в местечке Чанкай в ресторане, зависшем на песчаном мысе над Тихим океаном, где подавали великолепное севиче (рыба, вымоченная в лимонном соке с луком. — *Ю.Ш.*), неожиданно оказался для меня судьбоносным.

Забегая назад, скажу, что шеф нашей Экономической миссии в Перу, бывший достойный и даже заслуженный строитель московских Черемушек, в общем-то добрый человек, оказался попросту алкоголиком, естественно, не считавшим себя таковым и тщательно скрывавшим это от посторонних. Он и поселил нас рядом с собой, прямо в миссии, и, чтобы в случае необходимости использовать Галю как медика, содействовал ее оформлению врачом медпункта посольства. Но «шила в мешке не утаишь». Очень скоро всем в аппарате миссии стали известны «болезнь» шефа и наше недвусмысленное положение при нем. И больше всего от этого страдала Галя. Ей, уважаемому в Москве врачу IV Управления Минздрава (в просторечии «кремлевки»), приходилось не раз вытаскивать шефа из запоя, вы-

слушивать его пьяные фантазии, закрывать на многое глаза и, самое главное, скрывать от других факт деградации руководителя одной из ответственных заграничных служб страны. И в этом ресторане над морем, на простом, хотя, возможно, и провокационные слова Ромуальда «А как же вам хорошо тут, ребята...», Галя вдруг ответила, глядя ему прямо в глаза: «А чего же тут хорошего? С алкоголиком-шефом?!». Ну, и подробности. «Правда и ничего, кроме правды...». Мне, разумеется, оставалось только подтвердить эту правду.

Поздней осенью 1981 г., после моего назначения, отмеченного «ольмовским взлетом», в работе начались трудности. Подписанное мной по поручению ВВО «Проммашэкспорт» в отсутствие в Лиме его представителя дополнение к контракту на поставку запчастей и оборудования для рыбопромышленного комплекса в г. Пайта подверглось тщательному изучению в юридической службе ГКЭС. Обнаружилось несогласование некоторых ценовых позиций с внутренними ценами, и мне был объявлен выговор «за недостаточную проработку конкурентных материалов при согласовании контрактных цен с перуанцами». Дальше выплыли мои несанкционированные контакты в министерстве экономики (тот самый наш друг), анекдот про Брежнева, рассказанный в слишком широком кругу, выговор по «профсоюзной» (читай «партийной») линии. Галя всего этого не выдержала, и мы решили, что ей лучше уехать, тем более, что в ее присутствии в Москве остро нуждались уже вернувшаяся туда для учебы Аня и вышедшая замуж старшая дочь Катя. Оставленный вместо шефа, уехавшего в отпуск, руководителем миссии заместитель по линии ГИУ (военных поставок) полковник N мог бы, наверное, отправить меня в Москву досрочно, если бы для написания годовых отчетов, в том числе разделов, важных для посольства и других ведомств, не были бы нужны мои профессиональные навыки и накопленные мной материалы. Да и потом было еще неизвестно, чья возьмет: могучие «покровители» заслуженного строителя московских Черемушек или логика руководителя отдела. Первое перевесило. Шеф вернулся из отпуска, и я был немедленно изолирован от коллектива самой формой его отношения ко мне и десятками других деталей и приемов, которые за рубежом действуют сильнее, чем где-либо. В марте 1983 г. меня окончательно «проработали» на заседании объединенного «профкома» в посольстве, поставили «черную метку» невыездного в закрытой характеристике и в сопровождении одного весьма «близкого друга» посадили в самолет «Аэрофлота», следовавшего по маршруту Лима — Москва. Перед отлетом один серьезный человек из «конторы» по секрету сказал мне, что в моей закрытой кадровой характеристике по итогам работы в Перу была и такая запись: «доброжелательный до неразборчивости». На следующий день после того, как я прилетел, мама выбежала мне навстречу на лестничную площадку их с отцом квартирки, маленькая, худая, после онкологической операции, и, похлопывая меня по спине, сквозь слезы сказала: «Ну, ничего, без работы у нас ведь не останешься, таксистом, например, будешь». Оптимистка. Меня все же приняли на работу в ГКЭС, с понижением в должности, но взяли.

А в 1985 г. началась «перестройка», повлекшая за собой известные нам всем последствия. Но зато уже в конце 1987 г. меня выпустили-таки на Кубу в составе советской делегации на XXVII Панамериканский конгресс железных дорог. Там я выступил с докладом об опыте советско-кубинского сотрудничества в реконструкции железной дороги Гавана — Сантьяго-де-Куба.

Хоть «перестройка» тогда уже и шла полным ходом, вырваться из когорты невыездных в эту командировку мне, «доброжелательному до неразборчивости», было непросто. Пригодились и мое первое «железнодорожное» образование, и тема диплома в академии, и друзья в МПС, и не только.

В связи с этой командировкой хочу еще раз затронуть тему склонности к алкоголю многих наших соотечественников, в том числе и высокопоставленных, за рубежом. Не раз был свидетелем того, как это пагубно сказывалось на наших отношениях с латиноамериканскими партнерами по бизнесу, культура которых в этом плане, как правило, выше. В Латинской Америке вообще, так же, как в США, и курят-то значительно меньше, чем у нас и в Европе. В связи с этим вспоминаю случай, когда доктора Анатолия Марковича Сойфера, нашего крупного специалиста-гидрогеолога, хорошо владеющего испанским языком, не взяли на работу в Университет Коста-Рики на должность профессора только за то, что он позволил себе по привычке закурить прямо в аудитории перед студентами во время пробной лекции.

А вот еще связанный с этой проклятой склонностью случай, произошедший со мной и сделавший меня вновь «главным» в моей первой после «черной метки» зарубежной поездке — той самой упомянутой выше командировке на Кубу. Главой нашей делегации на конгресс был тогда назначен один из заместителей министра МПС, занимавшийся внешними связями. Как только ИЛ-62 взмыл в воздух, и пассажирам бизнес-класса было предложено выпить и поесть, мой шеф, очень дружелюбно и уважительно настроенный по отношению ко мне человек, которого я хорошо узнал во время подготовки к конгрессу, начал «возлияния» за успех нашего предприятия. Закусывал он, однако, меньше меня. На стоянке в Шэнноне горячий «ирландский кофе с виски» шел у него уже без закуски. Мне же удалось избежать этого коварного напитка: я ограничился кофе с пирожными. Весь полет до Гаваны это наше соревнование с питьем и закусками, как я ни старался его прервать, продолжалось. А закончилось оно для моего шефа печально: он буквально упал в объятия встречавшего делегацию нашего советника-посланника в Республике Куба. Это падение было замечено кубинцами. Что было с ним потом, не знаю, но больше я его не видел. Помню только, что меня на всякий случай «поддержали» мой товарищ по академии Гена Косарецкий, работавший тогда в нашем Торгпредстве на Кубе, будущий торгпред РФ в Бразилии в 1998—2004 гг., и моя дочь Аня, студентка МГПИИЯ им. Мориса Тореза, проходившая тогда на Кубе преддипломную языковую практику. И я незаметно проскользнул вместе с Геней и Аней в торгпредский «Жигуленок».

На следующее утро ко мне в гостиницу пришли люди из посольства и сообщили, что мой шеф по телеграмме из Москвы отстранен от работы на конгрессе и что мне придется заменить его. Мол, текст доклада написан вами, вы включены в состав делегации в качестве эксперта и посему выступать на конгрессе придется вам. Что я и сделал. Мое имя попало в кубинские газеты, в телеграмму-отчет посольства о конгрессе и об участии в нем МПС и ГКЭС СССР. И мне, ставшему вдруг формальным главой советской делегации, даже представился случай коснуться своим бокалом шампанского бокала, который держал Фидель. Помню, как я при этом был расстроен тем, что он не сказал мне ни слова и тут же отошел. «Не его урвень...», — подумал я тогда. А сейчас понимаю, что тогда шел 1987 г., и

Фидель наверняка уже понимал, к чему приведет «перестройка» в советско-кубинских отношениях, и я был для него одним из жалких и мелких предателей дела социализма. И вряд ли Фиделю было по душе участие советских представителей в панамериканском конгрессе: ведь модернизированная, хотя и с нашей помощью, железная дорога была кубинской, и кубинцы сами могли бы с гордостью рассказать об этой модернизации коллегам-латиноамериканцам.

Железнодорожная тема меня вновь захватила, и я тогда впервые появился в Институте Латинской Америки РАН. Стал соискателем ученой степени кандидата экономических наук. Под руководством д-ра экон. наук Льва Львовича Клочковского я начал работать над диссертацией на тему о развитии железных дорог Латинской Америки, но так и не защитился. Работы было много. А тут еще до слияния Минвнешторга и ГКЭС СССР меня назначили главным экспертом по США и Канаде в Отдел по сотрудничеству с капиталистическими странами во главе с Р.Г.Томбергом, а после их слияния — ответственным секретарем советско-перуанской межправительственной комиссии.

В 1987 г. на должности главного эксперта Отдела США и Канады мне довелось присутствовать на беседе тогда еще молодого Дональда Трампа с первым заместителем председателя ГКЭС Александром Ивановичем Качановым по вопросу о поставках в СССР оснащения для продуктовых супермаркетов и организации их работы, а также радикальной модернизации и перестройки гостиницы «Националь». Рыжеволосый и веселый Трамп настаивал на том, чтобы взамен поставок оборудования для супермаркетов советская сторона обязалась покупать в США 50% всех продаваемых в этих супермаркетах товаров. В ответ А.И.Качанов мрачновато и твердо озвучивал уже принятое по этому вопросу решение Политбюро ЦК КПСС: максимум 25%. Вот такое было предложено тогда «импортозамещение». А вместо реконструкции «Националя» Трампу для строительства его гостиницы была предоставлена площадка в престижном месте на Проспекте Мира. Но он и тут не соглашался.

Пожалуй, Трамп рановато приехал тогда к нам со своими идеями. Чуть бы попозже, и дело у него, пожалуй, пошло бы так, как ему тогда хотелось. Впрочем, потом его место заняли другие. А набиравшая обороты «перестройка» быстро меняла приоритеты в стране, покотившейся назад, в капитализм. Скоро у этой, другой страны появились иные цели, и ей понадобились другие кадры в госаппарате, в том числе и в МВЭС, образованном на базе МВТ и ГКЭС. И меня, как и многих коллег — членов КПСС, «пачками» отправляли за рубеж на освобождавшиеся в торгпредствах и посольствах должности. Так, в 1990 г. с благословения последнего советского министра внешнеэкономических связей Константина Федоровича Катусева мы с Галей отправились на работу в Центральную Америку. Сначала в Коста-Рику, а потом, в 1994 г., не без моих усилий и инициатив — в Панаму.

Эта «панамская» инициатива была неслучайной. Я понимал, что назначение в Коста-Рику — небольшую, далекую от тогдашних интересов СССР страну с мизерным товарооборотом 1,2 млн долл. в год — это вероятная поездка в «никуда» с грядущим закрытием этой точки и моим возвращением в новую неизвестность. Расположенная же рядом Панама, длительное время закрытая для СССР стратегическая вотчина США с их Панамским

каналом на ее территории, свободной торговой зоной «Колон», с начавшимся экспортом туда наших автомобилей «Лада» и других товаров, выглядела гораздо перспективнее. И, получив назначение в Коста-Рику, я добился включения себя в «Задание на долгосрочную командировку» (был тогда такой документ под грифом «секретно»). Мне поручалось «добиваться открытия в Панаме торгового представительства СССР с целью дальнейшего развития советского экспорта в эту страну и свободную торговую зону «Колон». Задание было согласовано и с МИД. Не трудно догадаться, что автором текста задания был я.

Моя первая поездка в Панаму, только что оправившуюся после наглого американского вторжения в декабре 1989 г. для отстранения от власти генерала Мануэля Норьеги с целью «установления демократии», состоялась уже в сентябре 1990 г. 29 марта 1991 г. между СССР и Панамой были установлены дипломатические отношения, и я первым из советских дипломатов получил из рук президента Панамы Гильермо Эндары аккредитацию торгового представителя СССР в республике и дипломатическую карточку-удостоверение. Тогда же, в марте 1991 г., семь советских внешнеторговых организаций приняли участие в очередной панамской Международной выставке-ярмарке «Ехросомер». В Панаму мы окончательно переехали в сентябре 1994 г. Но сначала все-таки была Коста-Рика.

Окончание следует

Yuri N.Shemelin (yshemelin@bk.ru)

Expert in International Economics , Vice-Direcor of Soviet Economic Mission of Soviet Embassy en Peru, (1978—1983) Trade Representative of Russia en Costa Rica and Panama (1990—2002)

My Latin America. Notes of trade representative

Abstract. This publication, which bears the largely autobiographical nature, reflects the author's experience in the field of trade and economic relations of the USSR and Russia with the countries of Latin America (Peru, Costa Rica, Panama) in Soviet and post-Soviet periods. Some specific features and peculiarities of these countries are remarked and the negative and positive consequences of refusal of the state monopoly in foreign trade and foreign economic relations with foreign countries are considered on specific examples.

Key words: globalization, export diversification, foreign trade policy, Peru, “Olmos”.